

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК: 821.161.1:1
ББК: 83.3(2=411.2):87.3

«МЕТАФИЗИКА» ПУСТОТЫ В ПОЭЗИИ Е.А. БОРАТЫНСКОГО¹

Ю.Ю. АНОХИНА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
ул. Поварская, 25а, г. Москва, 121069, Российская Федерация
E-mail: jul.anokhin@gmail.ru

Объектом анализа является поздняя лирика Е.А. Боратынского (1800–1844 гг.), а именно – его итоговая книга стихов «Сумерки» (1842 г.). Рассматривается вопрос о том, как в этом произведении функционирует мотив пустоты. При изучении данного вопроса используются филологический метод мотивного анализа, а также возможности герменевтического и структурно-семантического методов исследования. Показано, что одна из функций мотива пустоты состоит в том, что он фигурирует как свойство объектов нематериального мира: пустота понимается как отсутствие ценностного и познавательного значений. Рассматривается вопрос о том, как эти типы значений взаимосвязаны. Продемонстрировано, что мотив пустоты участвует в структурировании художественного пространства книги Боратынского, проанализировано воплотившееся в ней представление о пустоте как свойстве пространственных образов. Показано, что образ пустыни – один из наиболее значимых в книге, он рассматривается в соотношении с образом пустоты. Кроме того, отмечается, что в «Сумерках» воплощено представление о пустоте как о свойстве времени, пустота предстает характеристикой индивидуально-личного бытия субъекта. Констатируется, что в книге стихов Боратынского мотив пустоты онтологичен, поскольку пустота соотносима с категорией небытия. Анализ мотива пустоты позволяет определить сущность романтических конфликтов, отразившихся в книге: поэта и общества, внутреннего конфликта лирического героя. В результате анализа делается вывод о том, что одно из оснований художественной философии, отразившейся в произведении, состоит в поиске путей преодоления пустоты-бессмысленности бытия.

Ключевые слова: русская литература и поэзия XIX века, романтизм, поэзия мысли, поэзия Боратынского, книга стихов «Сумерки», художественное пространство, художественное время, образ пустыни, мотив пустоты

THE “METAPHYSICS” OF EMPTINESS IN BORATYNSKY'S POETRY

YU.YU. ANOKHINA

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: jul.anokhin@gmail.ru

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432). Статья представляет собой продолжение исследования, результаты которого были представлены в докладе, прочитанном на Международной конференции молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии» (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 25 ноября 2018 г.).

The paper is devoted to the late lyrics of E. A. Boratynsky (1800-1844), namely his final book of verses Twilight (1842). The question of how the motif of emptiness functions in this work is considered. The study of this issue uses the philological method of motifs analysis, as well as the possibility of hermeneutic and structural-semantic methods of research. It is shown that one of the functions of the motif of emptiness is that it appears as a property of objects of the immaterial world: emptiness is understood as the absence of value and cognitive meanings. The author considers the question of how these types of values are interrelated. The article demonstrates that the motif of emptiness is involved in the structuring of the artistic space of Boratynsky's book, and analyzes the idea of emptiness as a property of spatial images embodied in the book. It is shown that the image of the desert is one of the most significant in the book, in the article it is considered in relation to the image of the desert. In addition, in "Twilight" the idea of emptiness is embodied as a property of time, emptiness appears as characteristic of the individual-personal being of the subject in the book of poems by Boratynsky, the motif of emptiness is ontological, since emptiness is correlated with the category of non-existence. The author shows that the analysis of the motif of emptiness allows us to better understand the essence of the romantic conflicts reflected in the book: the opposition of the poet and society, and at the same time, the internal conflict of the lyrical hero of Twilight. As a result of the analysis, the author concludes that one of the foundations of the artistic philosophy reflected in the work is the search for ways to overcome the emptiness-meaninglessness of being.

Key words: Russian literature and poetry of the XIX century, romanticism, poetry of a thought, Boratynsky's poetry, book of verses "Twilight", artistic space, artistic time, image of the desert, motif of emptiness

DOI: 10.17588/2076-9210.2019.4.154-166

Итоговое произведение Е.А. Боратынского «Сумерки» (1842 г.), как отмечают исследователи творчества поэта, представляет собой лирическое единство, книгу стихов². В художественное целое стихотворения объединяются во многом благодаря образу лирического героя³, в котором некоторые исследователи видят «Последнего поэта», путешествующего в поисках истины сквозь времена и пространства⁴. Целостность достигается и благодаря пространственно-временной организации, основанной на романтических оппозициях: «земля» / «небо», «юдольное» / «горнее», «прошлое» / «настоящее», «временное» / «вечное»⁵. Еще один элемент поэтики, сообщающий стихотворениям книги

² В этом отношении показательно, что целостность становится первой, а значит, ключевой характеристикой понятия «книга стихов» в словаре «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий». «Сумерки» Боратынского в этой статье названы «первой в полном смысле этого слова книгой стихов в русской поэзии» (см.: Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 96 [1]).

³ Образ лирического героя, однако, не равен лирическим субъектам стихотворений, входящих в книгу. Представляется, что каждый из таких субъектов наделен своим собственным голосом, что обеспечивает полифонизм произведения.

⁴ В таком ключе рассматривают образ лирического героя Е.Н. Лебедев (см.: Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб.; М., 2000. 288 с. [2]) и С.В. Рудакова (см.: Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. Saarbrücken, 2011. 250 с. [3]).

⁵ См.: Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. XXII. С. 299–310. [4].

общность, – ее мотивная⁶ структура, среди важнейших мотивов можно отметить жар / холод, шум / тишина, влага / сухость, огонь / вода. В этот ряд попадают и мотивы пустоты / наполненности. Чтобы выявить функции мотива пустоты в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского, рассмотрим случаи вербальной экспликации пустоты, то есть те контексты, в которых появляется слово «пустота» и синонимичные ему.

Слова «пустота» и «пустой» в «Сумерках» не самые частотные (в совокупности они появляются три раза, а лексема «пустыня» возникает в книге дважды⁷). Реализуя общеязыковые значения, они вместе с тем предстают неотделимыми от поэтических контекстов разных уровней (будь то микро-контекст отдельного стиха или контекст всей книги), и эта «погруженность» слов «пустота», «пустой», «пустыня» в контекст «Сумерек» сообщает им новые смысловые оттенки. Поэтому интересно проследить за тем, как происходит процесс обогащения общеязыковых значений индивидуально-поэтическими смыслами (лексико-семантический уровень мотива⁸). Еще один вопрос возникает в связи с содержанием понятия «пустота»: обнаруживаются ли в «Сумерках» способы выражения идеи пустоты, альтернативные непосредственному именованию?

Анализ показывает, что пустота в «Сумерках» мыслится как отсутствие у объекта ценностного значения. Такой смысл имеет слово «пустота» в стихотворении «Последний поэт». О лирическом герое этого произведения сказано: *«Воспевает, простодушной, / Он любовь и красоту, / И науки, им ослушной, / Пустоту и суету»* [8, с. 274]. В образе Последнего поэта, по наблюдению И.Л. Альми, «сказывается опыт русского предромантизма, арзамасское представление о поэте – счастливом ленивце, любителе жизненных радостей, простодушном шалуне»⁹. Он видит в науке отрасль знания, всецело подчиненную утилитарным задачам. Поэтому, с его точки зрения, в отличие от искусства, свободной от прагматики и рационализма, наука лишена ценностного значения. Реакция общества на такую «песню» лирического героя характерна: *«Суровый смех ему ответом...»*¹⁰. Слово «смех» указывает на то, что лирический герой не был понят обществом. Так в стихотворении ставится главный кон-

⁶ В современном литературоведении понятия лирического мотива и мотива эпического произведения дифференцированы. Возможный подход к анализу мотива в поэтическом тексте отражен в одной из статей И.В. Силантьева (см.: Силантьев И.В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте (статья первая) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 39–56 [5]).

⁷ Стихотворения, в которых эти слова появляются: «Последний поэт», «Приметы», «Бокал», «Толпе тревожный день приветен, но страшна...», «На что вы дни! Юдольный мир явленья...».

⁸ В методологическом отношении анализ, представленный в настоящей статье, осуществлялся в направлении, заданном работами Ю.М. Лотмана (см.: Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Ф.И. Тютчев: pro et contra. СПб., 2005. С. 824–862 [6]) и Б.М. Гаспарова (см.: Гаспаров Б.М. Структура текста и культурный контекст // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 274–303 [7]).

⁹ См.: Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 182 [9].

¹⁰ См.: Баратынский Е.А. Последний поэт // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 275.

фликт – частный случай общеромантического противостояния поэта и толпы. «Поклонники Урании холодной» – современники Последнего поэта – не видят ценности в искусстве, следовательно, для них пуста именно поэзия. При таком понимании пустоты – как свойстве того, что не имеет ценности, – она оказывается относительной «величиной»: ценностная пустота объекта или его наполненность аксиологическим значением зависит от точки зрения воспринимающего.

«Аксиологическому» пониманию пустоты близко и представление о ней как о свойстве объектов, лишенных познавательного значения. Согласно Последнему поэту, в научном знании нет ценности именно потому, что оно не ведет к истине. Подобным образом мотив пустоты раскрывается и в стихотворении «Предрассудок! Он обломок давней правды...». Здесь рухнувший храм является аллегорией исчезнувшей культурно-исторической эпохи: «Предрассудок! он обломок / Давней правды. Храм упал; / А руин его потомок / Языка не разгадал» [10, с. 277]. «Падение» храма не равно его абсолютному уничтожению – остаются руины. Однако смысл, который они содержат, ускользает от «потомка», они для него пусты, предстают своего рода означающим без означаемого. Внимательный «реципиент» имеет возможность мысленно воссоздать образ храма исходя из того, о чем «сообщают» ему руины. Аналогично и тот, кто без пренебрежения относится к устаревшим представлениям, отжившим суждениям, восстанавливает в своем сознании ушедшую культурно-историческую эпоху. Значит, пустоте и небытию противостоит память о прошлом, которая не только позволяет – развивая аллегорию Боратынского – воссоздать исчезнувший храм, но и необходима для самосохранения человека. Мысль о необходимости вдумчивого отношения к прошлому – одна из ключевых в «Сумерках», недаром она подчеркивается императивным воззванием к «потомкам», которое содержится в стихотворении «Предрассудок! он обломок...».

Идея взаимосвязи «аксиологического» и «гносеологического» представлений о пустоте прочитывается в стихотворении «Приметы». В нем показано, что для человека эпохи «золотого века» природа имела сакральный смысл и обладала абсолютной ценностью (его жизнь вне природы была невозможной). Человек прошлого осваивал природу иррационально: «сердцем», а не «умом». Неслучайно в первой строфе стихотворения возникает ряд лексем со значением «иррационального познания»: «вещанья», «внимать», «знаменья», «вера». При этом в стихотворении показано, что знания, которые открывались человеку, жившему в гармонии с природой, имели различный «функционал». С одной стороны, это были сведения чисто житейского характера, практически применимые:

*Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье* [11, с. 279].

С другой стороны, человек был осведомлен и в духовном отношении: «Чета голубиная вея над ним, / Блаженство любви прорицала» [11, с. 279]. Од-

нако научный способ познания не был доступен человеку «того времени», с этой точки зрения для него природа была пуста. Тем не менее эпоха «золотого века» миновала, неслучайно В.Э. Вацуру, определяя главную мысль стихотворения «Приметы», писал, что здесь звучит «тема первобытной, природной мудрости человека, утраченной с появлением наук, примата интуиции над рациональным познанием»¹¹. В «Приметах» выражено, что человек из «мира цивилизации» видит в природе только ресурс, поэтому явления природы становятся для него объектом исключительно рационального освоения. Природа, лишённая для человека Нового времени сокровенного содержания, в духовном отношении для него пуста. В стихотворении сделан акцент на том, что ограничение взаимодействия с природой ее научным освоением обедняет внутренний мир человека. Показателен в этом отношении стих, характеризующий процессы, происходящие с человеком в Новое время: он «Вдался в суету изысканий»¹². Изыскание – это «исследование», причем, как показывают контексты, приведенные в статье «Словаря русского языка XVIII века», исследование, проводимое в рамках естественных наук¹³. Слово сочетание «суета изысканий», лексико-семантически рифмуясь с «песней» лирического героя стихотворения «Последний поэт», выражает мысль о пустоте науки. Так, ни «предок», ни «современник» не постигают природу во всей ее полноте, ведь, согласно автору «Сумерек», приближенный к идеалу способ познания действительности рождается в синтезе рационального и иррационального: это видно из предпоследнего стихотворения книги – «Благословен святое возвестивший!..», где инструментарий поэта уподоблен инструментарию ученого-естествоиспытателя. В «Сумерках» отражена мысль о том, что в Новое время полнота познания доступна только гению, поэту-пророку. Истинный поэт смог бы, постигая жизнь природы, с помощью поэтического слова вновь открыть людям сокровенные знания, к которым они утратили доступ.

Идеал поэта-пророка, с точки зрения Боратынского, был воплощен И.В. Гете. В стихотворении «На смерть Гете» (впервые опубликовано в 1833 г.) немецкий поэт представлен мудрецом, постигшим и тайны природы, и глубину людских сердец, он исполнил свое высокое предназначение поэта, поскольку смог открыть людям открывшуюся ему правду. Такие черты, присущие немецкому поэту, с точки зрения Боратынского, не только характеризуют Гете, но и составляют образ идеального поэта в целом. И хотя формально это стихотворение в «Сумерки» не входит, память о нем актуализируется как минимум в двух вошедших в книгу произведениях. Ассоциации со стихотворением «На смерть Гете» вызывает метрика и система образов стихотворения «Приметы», в котором, как известно, есть автореминисцентная фраза. Стих из «Примет» «*Нечуж-*

¹¹ См.: Вацуру В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 388 [12].

¹² См.: Баратынский Е.А. Приметы // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 279.

¹³ См.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–17. Л.; СПб., 1984–2007. Вып. 9. С. 71 [13].

дая жизнь в ней дышала»¹⁴ напоминает стих «С природой одною он жизнью дышал»¹⁵ из «На смерть Гете». Кроме того, как показывает А.С. Бодрова, о стихотворении немецкого поэта «Гений, парящий над земным шаром, одною рукою ввысь, другою вниз указующий» напоминают отдельные стихи из «Недоноска»¹⁶. Так, воплотившийся в образе Гете идеал поэта-пророка не утратил особого значения и в «Сумерках». Правда, автору «Сумерек» представляется, что такой идеал уже недостижим, поскольку современность и поэт живут в «параллельных» мирах, взаимодействие которых принципиально невозможно, – эта мысль с наибольшей очевидностью раскрывается в стихотворении «Толпе тревожный день приветен, но страшна...»¹⁷.

Анализ показывает, что мотив пустоты в «Сумерках» не только сопрягается с философскими идеями отсутствия / наличия определенного типа значений, но и выполняет эстетические задачи. В этом смысле интересно его воплощение в образе пустыни. Слово «пустыня» у Боратынского реализует значение, не совсем привычное носителю русского языка конца XX – начала XXI в.: все чаще, как фиксируют современные словари, оно употребляется для обозначения «большого необитаемого пространства земли со скудной растительностью или вовсе без нее»¹⁸. В «Сумерках» этим словом названо такое состояние человека, когда рядом с ним нет людей. В стихотворении «Приметы» словосочетанием «в пустыне безлюдной» именуется пребывание человека наедине с природой. При этом подчеркнута, что отсутствие людей не вызывало чувства одиночества: «В пустыне безлюдной он не был одним: / Нечуждая жизнь в ней дышала»¹⁹. То, что названо словом «пустыня», предстает вовсе не пустынным, так как явления природы были для человека «золотого века» «знамениями», «пророчествами». С.В. Рудакова в монографии «Книга стихов “Сумерки” Е.А. Боратынского как лирическое единство» справедливо отмечает: «... божественное как будто растворяется в земной жизни: прислушиваясь и вглядываясь в мир вокруг себя, человек видит эти знамения и воспринимает их как руководство к жизни» [3, с. 62–63]. Растворенность божественного в пространстве исключает пустынность, превращает «пустыню безлюдную» в своего рода пустынь, нахождение в которой позволяло человеку познавать сокровенные

¹⁴ См.: Баратынский Е.А. Приметы // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. С. 279.

¹⁵ См.: Бодрова А.С. «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е.А. Баратынского «Недоноска» // История литературы. Поэтика. Кино: сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. Вып. 9. М., 2012. С. 140 [14].

¹⁶ См.: Бодрова А.С. «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е.А. Баратынского «Недоноска» // История литературы. Поэтика. Кино: сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. Сер.: Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9. М., 2012. С. 53–62 [15].

¹⁷ См. анализ этого стихотворения, предложенный М.М. Гиршманом: Гиршман М.М. Красота поисков истины / Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002. С. 209–223 [16].

¹⁸ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2012. С. 512 [17].

¹⁹ См.: Баратынский Е.А. Приметы // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. С. 279.

тайны бытия и пребывать в гармонии с природой. Неудачную попытку обретения такой гармонии предпринимает и лирический герой стихотворения «Последний поэт». Потерпев поражение в романтическом конфликте «между поэтом и толпой», Последний поэт ищет убежища именно в мире природы:

*Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!* [8, с. 275]

В словосочетаниях «безлюдный край» (стихотворение «Последний поэт») и «пустыня безлюдная» («Приметы»), как очевидно, повторяется эпитет. Этот лексический повтор – в числе художественных средств, обеспечивающих связь между стихотворениями книги. В приведенной строфе выразительно и словосочетание «праздный вертеп». Слово «вертеп» употреблено в том значении, которое было характерно для русского языка XVIII века, и его можно понимать как «место обитания, укрытия» – одна из дефиниций этого слова по «Словарю русского языка XVIII века»²⁰. В контексте стихотворения прилагательное «праздный», по-видимому, реализует значение «пустой, ничем не заполненный»²¹, и указывает на то, что для лирического героя нет места в современном ему мире. Пустота, понимаемая как одно из свойств пространства, его незаполненность, желанна для Последнего поэта, но недоступна ему. Так мотив пустоты участвует в структурировании художественного пространства книги стихов.

Поражение в конфликте с обществом и не оправдавшая себя попытка обрести уединение и гармонию с природой порождают трудноразрешимый конфликт во внутреннем мире лирического героя. Стремление преодолеть внутренние противоречия приводит Последнего поэта к отказу от служения искусству, а значит, к внутреннему опустошению и духовной смерти. Мир «поклонников Урании холодной», чуждых романтических идеалов, становится своеобразной «метафизической пустыней» для Последнего поэта.

Отчуждение находит выражение в романтическом мотиве отшельничества, ухода от общества в «пустынь» уединения. Лирическому герою стихотворения «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» общество современников представляется «шумным светом», он не находит возможности восстановить дружеский круг и поэтому выбирает уединение. Один из ярчайших образов стихотворения – образ «степей мира». Их «облетает» лирический герой стихотворения, мысленно обращаясь к друзьям: *«И степи мира облетаю / С тоскою жаркой и живой. / Ищу я вас, гляжу: что с вами? / Куда вы брошены судьбами, / Вы, озарявшие меня ...»* [18, с. 271]. Образ степей мира, обладая сложной внутренней структурой, совмещает в себе бук-

²⁰ См.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. С. 50.

²¹ Там же. С.132.

вально-визуальный смысловой пласт и метафорический. В качестве визуального образа степи, по формулировке С.В. Рудаковой, «это равнины, не знающие возвышенностей»²², своими простором и отсутствием границ они напоминают пустыню. Интересно наблюдение исследовательницы о том, что бескрайность степей только кажущаяся, ведь «это земная поверхность, не ведающая устремленности к небу», поэтому степи мира, с точки зрения исследовательницы, «все-таки ограниченный участок земли»²³. Возможно, «умопостигаемость» образа связана с тем, что в стихотворении речь идет не об условно-реальном полете лирического героя над землей, как это происходит, например, в стихотворении «Недоносок». Полет над земной действительностью в посвящении Вяземскому – это помыслы лирического героя о судьбах дорогих его сердцу людей, безответное вопрошание о них у Промысла: «Что вам дарует Провиденье / Чем испытует небо вас?» [18, с. 273]. Степи мира – метафора неудавшейся попытки лирического героя выйти за границы своего внутреннего мира, опустошенного одиночеством. В таком не-обретении тех, кто дорог лирическому герою, воплощается представление о пустоте как об отсутствии условий для полноценной жизни. Близость дружеского круга – одно из таких условий. Отшельничество, уход от «шумного света» в пустынь, оборачивается тем, что лирический герой оказывается в пустоте, одиночестве, его существование уподоблено небытию, пребыванию «как бы во гробе».

Оставляет общество и лирический герой стихотворения «Бокал». Его отшельничество вызвано тем, что в «свете» больше нет людей, которых он мог бы назвать истинными друзьями (дружба современников охарактеризована прилагательным «ложная»). Оставив «разногласную толпу»²⁴, лирический герой попадает в своеобразную пустынь, где ему открывается возможность постижения истины. Пребыванию пророка в пустыне уподоблено одинокое упоение лирического героя: «Не в людском шуму пророк – / В немолтвующей пустыне / Обретает свет высок!» [19, с. 286]. Анализируя стихотворение «Бокал», С.В. Рудакова отмечает, что пустыня – это «безлюдное несуетное пространство», и подчеркивает, что в христианской парадигматике пространство пустыни мыслится как сакральное, ведь именно в пустыне пребывал 40 дней Иисус Христос, да и Оптина пустынь в XIX веке была известнейшим монастырем²⁵. Правда, очевиден и амбивалентный характер пребывания лирического героя стихотворения «Бокал» в его пустыни. В отличие от пушкинского пророка, отправленного из пустыни «глаголом жечь сердца людей», пророк Боратынского не может оставить пустынь для того, чтобы поэтическим словом нести открывшееся ему знание. В этой невозможности исполнить предназначение состоит трагедия поэта-пророка в «сумеречную», переходную эпоху.

²² См.: Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. С. 35.

²³ Там же.

²⁴ См.: Баратынский Е.А. Бокал // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 285 [19].

²⁵ См.: Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. С. 120.

Ответ на вопрос о том, что именно лишает поэта-пророка возможности вернуться в мир из пустыни, можно найти в стихотворении «Осень», которое Л.Я. Гинзбург назвала «“вечной” элегической жалобой на увядание, одиночество, опустошенность, крушение надежд» [20, с. 80]. Лирический герой «Осени» приходит к заключению, что истина, открывшаяся поэту, «... на земле не для земли дана» [21, с. 299]. Норвежский исследователь творчества Боратынского Г. Хьетсо связывал процитированный стих с известной проблемой невыразимого и видел в нем «признание бессилия слов в выражении невыразимого»²⁶. Слова не могут адекватно отразить приоткрывшуюся поэту-пророку истину, следовательно, эти слова, как и усилия, предпринятые поэтом, пусты, бесплодны. Недаром лирический герой «Осени» назван «бесплодных дебрей созерцателем» [21, с. 298]. Значит, пустота в «Сумерках» понимается не только как отсутствие того или иного значения, смысла, но и как отсутствие результата деятельности.

Представление о пустоте-бессмысленности наиболее полно раскрывается в стихотворении «На что вы дни? Юдольный мир явления...»²⁷. Одна из главных характеристик внутреннего мира лирического героя – это пустота, связанная с его представлением о бессмысленности существования²⁸. Рудакова обращает внимание на возникающий здесь ряд слов со значением «отсутствие смысла»: «бессмысленно», «без нужды», «бесплодный» и, наконец, «пустой»²⁹. В дополнение к наблюдениям ученого проследим за тем, какими еще художественными средствами создается представление о пустоте-бессмысленности как доминанте мотивной структуры стихотворения. Словосочетание «пустой день», возникающее в финальной строке произведения, предстает своего рода «узлом», в который связываются основные мотивы стихотворения. Произведение начинается восклицанием «На что вы, дни!...». Слово «день» «открывает» произведение, и оно же завершает его. «На что» – вопросительное местоимение в сочетании с предлогом, оно синонимично вопросительному слову «зачем». Лексика указывает на «вопросительность» всего предложения, пунктуационный знак – на его «восклицательность». Вопросительно-восклицательный характер фразы свидетельствует о её негативном содержании: «ни на что вы, дни», то есть *ни для чего и ни зачем*. В этой риторической фигуре выражается идея абсурдности бытия лирического героя, точнее, его земных «дней». И если в начале стихотворения о земной жизни сказано в форме множественного числа слова «дни», то в финале форма слова меняется, теперь это единственное

²⁶ См.: Хьетсо Г. Стихотворение Боратынского «Осень» // К 200-летию Боратынского: сб. материалов Междунар. науч. конф. М., 2002. С. 155 [22].

²⁷ См.: Баратынский Е.А. «На что вы дни! Юдольный мир явления...» // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 288 [23].

²⁸ С.В. Рудакова пишет, что лирический герой «погрузился всем существом своим в ментальный мир души, подчеркнуто бессмысленной сменой дня и ночи, всех явлений земного бытия, в котором пространство заполнено звенящей пустотой и прахом» [3, с. 129].

²⁹ См.: Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. С. 129.

число, употребленное в значении множественного (утро, ночь, вечер, день). Идея цикличности, лексически выраженная в начале стихотворения («*Только повторенья грядущее сулит*»), в финале иллюстрируется «грамматически». Жизнь – это множество дней, ночей, вечеров, но в силу их одинаковости они воспринимаются лирическим героем как один и тот же день или вечер, одна и та же ночь. Черета дней закольцовывается, сворачивается, превращается как бы в один и тот же бессодержательный, *каждый* день. При этом ритмическая пауза, возникающая перед прилагательным «пустой», акцентирует на нем особое внимание. В словосочетании «пустой день» в стихотворении «На что вы дни? Юдольный мир явления...» не просто актуализируется общеязыковое переносное значение слова «пустой» – «бессмысленный», но в нем отражается итог поэтического размышления, представленного в стихотворении, где мысль лирического героя движется от понимания цикличности жизни к идее пустоты каждодневности. Здесь показано, что, когда цикличность, присущая всеобщему бытию, в индивидуально-личной жизни становится повторяемостью, она превращается в «пустоту», в «дурную бесконечность». И хотя в самом начале XX столетия историк русской литературы Н.А. Энгельгардт назвал Боратынского «буддистом в русской лирике»³⁰, все же думается, что буддийское представление о пустоте русскому поэту-романтику было чуждо. В первую очередь в силу того, что свидетельств интереса Боратынского к этому религиозно-философскому учению не было обнаружено. И потом, пустота понимается здесь как следствие душевно-телесного разлада, а не цель духовных практик.

Еще один аспект функционирования мотива пустоты в книге стихов Боратынского связан с представлением о пустоте как о ничто, как о небытии. В стихотворении «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» лирический герой в попытке примириться с житейскими стезями бытия объясняет самому себе, что страх *забот юдольных* иллюзорен: «*Ощупай возмущенный мрак – / Исчезнет, с пустотой сольется / Тебя пугающий призрак*» [25, с. 291]. Аналогично и в стихотворении «Осень», где мысль о смерти поэта воплощена в космогоническом образе летящей в бездну звезды: «*Звезда небес в бездонность утечет*» [21, с. 300]. С идеей пустоты-небытия связано онтологическое измерение рассматриваемого мотива³¹.

Три отразившихся в «Сумерках» представления о пустоте – о ее пространственном измерении, о пустоте-бессмысленности (жизни современного общества, поэтических усилий и слов, даже времени), а также о пустоте-небытии – сливаются в единый апокалиптический образ, возникающий в финале стихотворения «Осень», в образ снежной пелены, покрывающей весь мир: «*Со смертью жизнь, богатство с нищетой / Все образы години бывшей / Сравняются под снежной*

³⁰ См.: Энгельгардт Н.А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800–1850. СПб., 1902. С. 393 [24].

³¹ Об онтологических категориях поэтической книги «Сумерки» см.: Анохина Ю.Ю. Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского // Научный диалог. № 10. С. 129–148 [26].

пеленой, / Однообразно их покрывшей ...» [21, с. 301]. Стремление преодолеть мысль о пустоте мироздания прослеживается в стихотворении «Рифма», завершающем «Сумерки» и, по словам Е.Н. Лебедева, «скрепляющем, как печатью, этот пронзительный человеческий документ о мертвой тишине вокруг поэзии»³². Существование поэта в переходную эпоху, выведенную в «Сумерках», сравнивается с жизнью Ноя после Великого потопа, когда вся земля была пуста. Надежды на преодоление трагедии пустоты мироздания связаны с оправданием поэзии, которая в «Рифме» уподоблена голубю, с помощью ветви масличного дерева возвестившему Ною об отступлении воды.

Диалектическое преодоление пустоты в «Сумерках», прежде всего, связано с уходом поэта-пророка от пустыни цивилизации в духовную пустынь отшельничества, а также со становлением представления о ценности поэзии: от понимания ее бесплодности, пустоты к признанию ее как оправдывающей бытие Благой Вести. Анализ мотива пустоты позволяет лучше понять художественную философию книги стихов «Сумерки», воплотившиеся в ней представления о ценностных ориентирах, а также проследить за тем, как в особенностях функционирования этого мотива проявились, по словам А.С. Пушкина, «все оттенки метафизики» Боратынского³³.

Список литературы

1. Дарвин М.Н. Книга стихов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 96–97.
2. Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб.; М., 2000. 288 с.
3. Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. Saarbrücken, 2011. 250 с.
4. Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. Вып. XXII. С. 299–310.
5. Силантьев И.В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте (статья первая) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 39–56.
6. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Ф.И. Тютчев: pro et contra. СПб., 2005. С. 824–862.
7. Гаспаров Б.М. Структура текста и культурный контекст // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 274–303.
8. Баратынский Е.А. Последний поэт // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 274–276.
9. Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 178–206.
10. Баратынский Е.А. «Предрассудок! Он обломок...» // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 277.
11. Баратынский Е.А. Приметы // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 279.
12. Вацура В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 380–392.

³² См.: Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. С. 203.

³³ Разбирая поэму Боратынского «Бал», Пушкин писал: «...поэт наш создал совершенно своеобразный язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики» [27, с. 290].

13. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–17. Л.; СПб., 1984–2007.
14. Баратынский Е.А. На смерть Гете // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 140–141.
15. Бодрова А.С. «Духи высшие, не я...»: к истории текста стихотворения Е.А. Баратынского «Недоносок» // История литературы. Поэтика. Кино: сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. Вып. 9. М., 2012. С. 53–62.
16. Гиршман М.М. Красота поисков истины / Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002. С. 209–223.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2012. 736 с.
18. Баратынский Е.А. Князю Петру Андреевичу Вяземскому // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 271–272.
19. Баратынский Е.А. Бокал // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 285–286.
20. Гинзбург Л.Я. Поэзия мысли // Гинзбург Л.Я. О Лирике. М., 1997. С. 50–120.
21. Баратынский Е.А. Осень // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 295–301.
22. Хьетсо Г. Стихотворение Баратынского «Осень» // К 200-летию Баратынского: сб. материалов Междунар. науч. конф. М., 2002. С. 151–157.
23. Баратынский Е.А. «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 288.
24. Энгельгардт Н.А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800–1850. СПб., 1902. 642 с.
25. Баратынский Е.А. «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 291.
26. Анохина Ю.Ю. Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е.А. Баратынского // Научный диалог. 2017. № 10. С. 129–148.
27. Пушкин А.С. Поэма Баратынского «Бал» // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. С. 288–291.

References

1. Darvin, M.N. *Kniga stikhov* [Book of Poems], in *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, 2008, pp. 96–97.
2. Lebedev, E.N. *Trizna: kniga o E.A. Boratynskom* [Trizna: Book about Baratynsky]. Saint-Petersburg; Moscow, 2000. 288 p.
3. Rudakova, S.V. *Kniga stikhov «Sumerki» E.A. Boratynskogo kak liricheskoe edinstvo* [The book of poems Twilight by E. Baratynsky as a lyrical unity]. Saarbrücken, 2011. 250 p.
4. Rudakova, S.V. *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya knigi «Sumerki» E.A. Boratynskogo* [The spatial existential structure of Twilight by E.A. Baratynsky], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk, 2008, vol. XXII, pp. 299–310.
5. Silant'ev, I.V. *Liricheskii motiv v stikhotvornom i prozaicheskome tekste (stat'ya pervaya)* [Lyrical motifs in verse and prose texts (first article)], in *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2009, no. 2, pp. 39–56.
6. Lotman, Yu.M. *Poeticheskii mir Tyutcheva* [The poetic world of Tyutchev], in *F.I. Tyutchev: pro et contra*. Saint-Petersburg, 2005, pp. 824–862.
7. Gasparov, B.M. *Struktura teksta i kul'turnyy kontekst* [The structure of the text and the cultural context], in Gasparov, B.M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary motifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow, 1993, pp. 274–303.
8. Baratynskiy, E.A. *Posledniy poet* [The Last Poet], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, pp. 274–276.
9. Al'mi, I.L. *Sbornik E.A. Boratynskogo «Sumerki» kak liricheskoe edinstvo* [Collection E.A. Baratynsky *Twilight* as a lyrical unity], in Al'mi, I.L. *O poezii i proze* [On poetry and prose]. Saint-Petersburg, 2002, pp. 178–206.

10. Baratynskiy, E.A. «Predrassudok! on oblomok...» [«Superstition! It is a remnant...»], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, p. 277.
11. Baratynskiy, E.A. Primety [Signs], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, p. 279.
12. Vatsuro, V.E. E.A. Baratynskiy, in *Istoriya russkoy literatury v 4 t., t. 2* [History of Russian literature in 4 vol., vol. 2]. Leningrad, 1981, pp. 380–392.
13. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Leningrad; Saint-Petersburg, 1984–2007, issue 1–17.
14. Baratynskiy, E.A. Na smert' Gete [On the Death of Goethe], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, pp. 140–141.
15. Bodrova, A.S. «Dukhi vysshie, ne ya...»: k istorii teksta stikhotvoreniya E.A. Baratynskogo «Nedonosok» [«Dukhi vysshie, ne ya...»: to history of text of Nedonosok by Baratynsky], in *Istoriya literatury. Poetika. Kino: sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoy* [Literary history. Poetics. Cinema: a collection in honor Marietta Omarovna Chudakova]. Moscow, 2012, issue 9, pp. 53–62.
16. Girshman, M.M. Krasota poiskov istiny [The beauty of the quest for truth], in Girshman, M.M. *Literaturnoe proizvedenie: teoriya khudozhestvennoy tselostnosti* [The Literary Work: A Theory of Artistic integrality]. Moscow, 2002, pp. 209–223.
17. Ozhegov, S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2012. 736 p.
18. Baratynskiy, E.A. Knyazyu Petru Andreevichu Vyazemskomu [To Prince Pyotr Andreevich Vyazemsky], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, pp. 271–272.
19. Baratynskiy, E.A. Bokal [Goblet], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, pp. 285–286.
20. Ginzburg, L.Ya. Poeziya myсли [Poetry of a Thought], in Ginzburg, L.Ya. *O Lirike* [About The Lyrics]. Moscow, 1997, pp. 50–120.
21. Baratynskiy, E.A. Osen' [Autumn], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, pp. 295–301.
22. Kh'etso, G. Stikhotvorenie Baratynskogo «Osen'» [The Poem Osen' by Baratynsky], in *K 200-letiyu Boratynskogo. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [To the 200th anniversary of Boratynsky. Collection of materials of the international conference]. Moscow, 2002, pp. 151–157.
23. Baratynskiy, E.A. «Na chto vy dni! Yudol'nyy mir yavlen'ya...» [«What for are you, days? phenomena of the earthly world...»], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, p. 288.
24. Engel'gardt, N.A. *Istoriya russkoy literatury XIX stoletiya. T. 1. 1800–1850* [The history of Russian literature of the XIX century. Vol. 1. 1800–1850]. Saint-Petersburg, 1902. 642 p.
25. Baratynskiy, E.A. «Tolpe trevozhnyy den' priveten, no strashna...» [«The crowd hails a troubling day, but she is afraid of...»], in Baratynskiy, E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Long poems]. Moscow, 1982, p. 291.
26. Anokhina, Yu.Yu. Kategorii bytiya i nebytiya v knige stikhov «Sumerki» E.A. Boratynskogo [Categories of Being and Non-Being in the Book of Poems «Twilight» by Ye.A. Boratynsky], in *Nauchnyy dialog*, 2017, no. 10, pp. 129–148.
27. Pushkin, A.S. Poema Baratynskogo «Bal» [The Poem «Bal» by Baratynsky], in Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6* [Collected works in 10 vol., vol. 6]. Moscow, 1962, pp. 288–291.